

Книга взросления.
Дарья Чупрова.



Дарья Дмитриевна Чупрова
Книга взросления.
В двух историях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487616

SelfPub; 2025

Аннотация

Как прожить свои юные годы и все же остаться счастливой,
даже если мир приносит тебе много боли?

Первая любовь, проблемы с матерью, переживания из-за
внешности,

неожиданные предательства друзей и любимых...

Но среди всех этих проблем главные героини сумеют найти
самих себя,

принять себя такими какие они есть...

В книгу вошли две повести "Брови" и "Душечка" .

Дарья Чупрова

Книга взросления.

В двух историях

История 1.

БРОВИ

Часть 1

Глава 1

А-а-а-а-а-а...о-о-о...а-а-а-а-а

В голове моей шумит. Фен Ленки Медведевой высушивает не только белоснежную шевелюру, но и, возможно, остатки ее мозгов. А-а-а...о-о-о...а-а-а-а-а...о-о-о-о... Она смотрит на меня своими пушистыми глазами. Именно пушистыми, ведь у нее так много ресниц.

Тонкая, похожая на картинку девушка. Все в ней ладно, особенно нравятся мне кисти ее рук. Я всегда заворуженно наблюдаю за руками людей – порой они могут рассказать гораздо больше, чем их выдрессированные спокойствием ли-

ца.

А-а-а-а...о.

Чпок. Дующий зверь замолкает.

– Ну, как? – Она с удовольствием продолжает запускать длинные пальцы в чистые волосы. Я оцениваю ее взглядом.

– Очень хорошо, прям вот замечательно, аж сладко во рту стало, сейчас стошнит.

Лена смеется своим голосом-колокольчиком и целует мою теплую щеку влажными мягкими губами. Я, естественно, фыркаю и всячески демонстрирую недовольство, но мы обе знаем, что это не больше чем спектакль. Она идет на кухню и начинает петь популярную попсовую песенку. Я остаюсь у зеркала и смотрю на себя строго, недобро.

– Тьфу, мерзость.

Собственно, ничего сверхмерзкого я там и не увидела, но мне так хочется чего-то другого, даже толком не пойму чего. Может быть, отражения Ленки?

Она мне нравится, нравится даже больше, чем должна привлекать просто подруга. Но вы не подумайте, я в принципе люблю все красивое. Бывает, иду по центральной улице и смотрю на небо, а там – закат, как полосы ровный, дом старинный большой вдаль, и так это все складывается, склеивается, как картина настоящая. Вот и стою я посреди улицы с глазами туманными, как пьяная, смотрю на здание, на розовое марево, фиолетовые линии... А за домом этим, кажется, и вовсе весь мир кончается, и стоит он весь такой, затыкает собой дыру в пространстве, убери его – белое пятно и останется. А пока он на месте – все хорошо, все правильно.

Впрочем, эти мои наблюдения не приводят ни к чему особенному. А жаль.

Ленка выходит из кухни с двумя желейными конфетками в руках. Хитро щурясь, она бросает мне одну, та падает, а я неуклюже пытаюсь словить конфету, хотя она уже лежит на полу. Р – значит реакция! Видите, здесь я тоже достаточно заурядна.

Лена критически осматривает мою жующую фигуру:

– Давай я тебя накрашу?

– Художником себя возомнила? Обойдусь, я уже накра-

шена.

Ленка игриво смыкает губы, и тонкая улыбка делает ее еще более прекрасной.

– Накрашена, да не так. Ну, лапочка моя, ну прошу тебя, дай сделаю из тебя конфетку!

Лена ш-ш-ш-ур-ш-ш-ит фантиком и кидает желтенькую сладость себе в рот. Я глубокомысленно и театрально продолжаю:

– Мда. Сложно в этом мире быть женщиной.

– Становись феминисткой! Как Катька! М?

– Думаю, в наше время давно пора защищать права мужчин, а не женщин.

Ленка круглит на меня глазища, а я продолжаю:

– Чего корежишься? Я серьезно. Детей с кем оставляют, практически всегда с матерью! Право на сексуальность у кого? У женщин, мужчины здесь остаются за бортом, просто не понимая, как ее выразить, а современная медиакультура им в этом и вовсе не помогает, сводя все к канонам женской

привлекательности, которая явно не подходит мужчинам, ну, или упрощая ее до примитивизма... А работа? Вот много ты знаешь мужчин-воспитателей? – Пока я говорю, подруга хмурится и задумчиво покусывает нижнюю губу, мне нравится, когда она такая, и я с удовольствием продолжаю: – Так что не все у них радужно, ой не все...

– Стоп, остановись! – Лена выбрасывает вперед свои фарфоровые ручки, делая абсолютно театральные жесты. – Хотя ты довольно милая, когда начинаешь умничать, у тебя появляются такие забавные складочки прямо во-о-о-от здесь, – она нежно, но с напором тыкает мне своим прекрасным пальцем между бровей, был бы третий глаз – выдавила, точно говорю.

– По-моему, сама идея борьбы за чьи-то права в двадцать первом веке как ничто подчеркивает не схожесть, а именно различность тех, кто борется, с теми, с кем борются. Смысл есть отстаивать общие права человека, будь то мужчина, женщина или ребенок.

– Или даже Денчик?

– Ну, палку-то не перегибай.

Мы начинаем хохотать. Я давно смирилась с ампула горе-влюбленной и не только не обижаюсь на шутки, направ-

ленные в эту сторону, но и всячески сама пытаюсь обогатить эту часть моей жизни юмором. Я давно выросла из подростковых ночных страданий в холодной постели, умыванием слезами и целованием взасос подушки, когда ее пуховые углы превращаются в нежные широкие плечи... Между прочим, подушки не самые плохие целовальщики, я вам как специалист говорю!

Вот так мы и подошли к тому, почему же я всегда немного грустная. Дело даже не в моем неудавшемся романе и не в постоянных секундных встречах с объектом моих желаний, а просто в том, что я слишком много думаю. А делаю я это постоянно. Гадость какая.

Шучу. Конечно, шучу. И все же я человек печальный, вечно недовольный, но улыбающийся. Вот так. А Ленка другая. Ей впору становиться актрисой, с ее зелеными глазами-бусинами, этими пластмассовыми ресницами, точь-в-точь как с обложек журналов. Не люблю я этого притворства. Но Ленку люблю, вот и живу в вечном противоречии со всеми и вся, с собой и с теми, кто прошел рядом.

Леночка продолжает собираться и ходит по дому взад и вперед, виляя упругими круглыми бедрами. Я пялюсь на нее

и думаю, что она слишком откровенно одевается, но если быть до конца честной, я бы и вовсе щеголяла нагишом, обладая теми же достоинствами, что и подруга.

В ее квартире я чувствую себя свободней, чем дома, могу позволить себе забраться в кровать или взять любую книгу без спроса.

Ленка включает старый диск. Да, да – именно диск, нашей любимой группы – и мы забываемся. Ей одеваться еще полчаса, успеем прослушать все. Каждая песня имеет свой отпечаток тоски в моих воспоминаниях, каждой мы присвоили событие, связывающее нас с любовными переживаниями. Мы орем отдельные строчки наиболее яростно, только вдвоем понимая, что за этим кроется. Это только наш шифр, наш с ней язык.

Я закрываю глаза.

Лай-ла-ла-ла-ла-о-о-ла....

Как же хорошо. Ленин диван мягкий и родной. Я люблю ночевать в ее квартире. В нашей квартире. Я бы хотела, чтобы она была нашей.

Ленка почти закончила приготовления. Диск проиграл

последнюю песню. С кухни доносится приятный аромат ягодного чая. Леночка знает, что я люблю его, к тому же это стало традицией. Мы всегда пьем вкусный чай в пирамидках перед выходом на очередную гулянку.

Весело хрустим лимонными вафлями. Светлые крошки падают в Ленкино декольте, она не по-женственному, а по-настоящему, по-своему гогочет и продолжает нести очередную околесицу. Я улыбаюсь, жую и улыбаюсь. Почему-то мне хорошо. Здесь и сейчас. Странное чувство растекается под кожей, словно лучи солнца проникли в мое тело невероятной жидкостью и блуждают, изнутри смазывая все своим теплом. Этот дом, эта девушка, мои печали, слезы, смех – все соединилось здесь, в этой простой двухкомнатной квартире со скрипящими половицами. Под эти ковры забирались мои секреты, а стены берегут в себе отголоски ночных телефонных звонков. Здесь все про меня. Это даже больше напоминает любовь, нежели мои уже пережитые ночные припадки.

Мне за них стыдно.

А ведь вымучивала из себя великую артистку, выкручивала пальцы, заламывала руки. Рыдала, воздух ртом ловила, как рыба. Шептала после, словно молитву, чего-то просила, и имя оставалось со мной, во мне всегда, все время. Сон был тревожный, тяжелый. Веки болели. Вот так. Постановка. Поаплодировал бы хоть кто. А сейчас... Сейчас это «улыбает». Дышится свободно. Отпустило. Уже отпустило.

Я лежу на большом бежевом диване, и мне действительно легко.

Ленка выбирает туфли.

– Смотри, вот эти визуально делают ножку меньше.

– Угу, а еще они делают кровавые мозоли. – Я перекидываю ногу на ногу и фирменно поднимаю левую бровь. – Я же помню ту пятницу.

– Фу, какая ты.

– Зачем вообще выбирать туфли, когда мы идем пьянствовать в неубранную трехкомнатную хрущевку?

Лена опять выкатывает свои и без того большие глаза.

– Игорек! Саша, неужели ты не понимаешь?

Ленка немного нервно начинает переставлять коробки с обувью, все же оставив на полу белые туфли на высоченном каблуке.

– Ты снимешь их, как только зайдешь в дом, и Игорек тут же галантно предложит тебе переобуться в бабушкины «советские» тапки в серый горох. Он тебе их всегда дает, видимо в знак симпатии.

Ленка одним лицом показывает, что чихать хотела на мою иронию, и, кривя уголок рта, убирает все в шкаф. Белые туфельки одержали победу надо мной и над общечеловеческой логикой. Как она в них пойдет по нашим дворам, между усыпанных декоративными мелкими плиточками пятиэтажками? Тем более после дождя? Отважная женщина.

Лена еще раз бежит в ванную уже обутая, и я слышу характерные «пыщ-пыщ». Это самое «пыщ-пыщ» сообщает мне, что прекрасный цветок по имени Лена хорошо полился духами, и теперь все готово, можно выходить, естественно, предварительно еще разочек заглянув в зеркало, находящееся уже в прихожей.

Глава 2

На улице моросит дождь. В сумерках города дома смотрятся угрожающе. Мне так кажется. Я больше люблю деревянные ссохшиеся домики. Они мне, что ли, ближе, понят-

ней. Хотя я и прожила всю свою жизнь в обычной девятиэтажке. От высоких домов порой веет тоской и пустотой. Удивительно. Наверное, их стены видели и слышали столько историй, столько слез и смеха впитали в себя, что их терпение лопнуло: остались лишь пустота и холод. Нет в этих домах души – переизбыток жизней, слишком много людей для одного дома, вот он и изнашивается энергетически, становится абсолютно неживым. Мертвые камни. Нет, не подумайте, я нормальный человек и вообще не считаю, что у домов есть душа, но ведь утверждать, что от предметов или людей не исходит энергетика, для меня глупо. Вы ведь бывали в театре? Когда хороший актер выходит на сцену и начинает играть, он отдает тебе немножко себя, ты чувствуешь душевный подъем, возбужденность, легкость! Ты чувствуешь этого совершенно незнакомого человека так близко, почти что внутри. Так бывает и в жизни, кто-то отдает тебе часть своего счастья, становясь от этого еще более счастливым, а кто-то забирает рукопожатием последние душевные силы. Ладно. Итог – маленькие старенькие дома я люблю больше, вот и все. Кстати, я воображаю, будто каждый из этих домиков хранит в себе какую-то тайну, а если и не тайну, то крайне занимательную историю. Чувствую от них тепло, и они начинают казаться живыми. Есть такое выражение «греет душу», оно наиболее точно мне все объясняет. Я оттаиваю, выхожу из вечной мерзлоты будней, когда могу заглянуть в чужие окна старинных жилищ.

Дождь немного усилился, Ленка накинула капюшон своего кремового кардигана на взъерошенные волосы.

– Брр. Весна.

– Я по этой дороге ходила, еще когда была маленькой...

Ленка, не замедляя шага, быстро смотрит по сторонам, но явно не видит ничего такого, что могло оправдать резко нахлынувшие на меня ностальгические чувства.

– Я тоже.

– Нет, Лен, ты не понимаешь.

Я останавливаюсь, подруга, делая пару шагов, нервно оборачивается, ей не хочется торчать здесь, посреди улицы, в такую погоду, ей бы поскорее попасть в объятия к своему Игорьку.

– Ну чего?

– Мне тогда было лет семь. Я шла здесь, по этому узкому тротуару, и думала: вот будет мне двадцать, я пойду по этой дороге и вспомню себя, и словно сработает машина времени. Встречусь я настоящая с собой из прошлого, и это станет таким окошком во времени, через которое я смогу заглядывать в разные моменты моей уже прожитой жизни. Я таких окошек много наделала. Как бы зафиксировала воспоминания.

Понимаешь?

Лена еще раз озирается по сторонам выискивающе, что-то в ней меняется. Она улыбается.

– Сашенька, нам двадцать лет... Двадцать! Боже мой, могли ли мы об этом мечтать?

Я смотрю в ее сияющие глаза и делаю еще одно окошко, в этот самый момент. Он прекрасен. Она прекрасна.

Теперь мы смеемся уже вдвоем и продолжаем путь, который освещают нам вывески и витрины магазинов с красивы-

ми женскими именами. Скоро мы завернем в очередной дворик, пройдем три абсолютно одинаковых пятиэтажных дома и окажемся у знакомого подъезда, того места, куда стараются не ходить хорошие девочки. Но мы не хорошие, мы обычные, поэтому смело проделываем свой привычный путь.

У подъезда Лена достает пудреницу и с недовольным видом пытается перевести бывшее великолепие в порядок:

– Кошмар какой.

– Да все нормально, успокойся, ты надела свою лучшую юбку, думаешь, кто-то обратит внимание на размазанный глаз?

Лена улыбается и толкает меня в плечо.

– Какая же ты...

– Стерва?

– Хороший человек, Сашенька, очень хороший. Мне прямо даже легче стало. Я немного волнуюсь.

Еще дома я заметила, что Ленка сегодня собиралась не только дольше обычного, но и гораздо скрупулезнее. Даже вырядилась в свое «красное-прекрасное» белье, она сама его так называла. И конечно, я знала, что Лена считает, будто если женщина надевает шикарное бельишко, то неважно, в каких убогих штанах она будет в этот день, все равно от нее начнет исходить достаточно сильная сексуальная энергетика. Ха. Но сама она никогда не надевала убогих штанов. Заметьте! Но доля истины в этих словах действительно была. Испытано на собственном опыте!

Недавно я пыталась купить просто обалденный комплект, но, видимо, моя внешность не настолько презентабельна. Тетенька-продавец вытаращила на меня все, что только можно было вытаращить, и драматическим сопрано объявила, что данная модель стоит целых три тысячи рублей! Батюшки-светы... Может быть, я и не обладательница глянцевої внешности, но с чувством юмора у меня все замечательно, а абсурдные ситуации – мой конек по жизни. Поэтому, округлив свои ненакрашенные глаза, я начала пятиться к выходу магазина и почти что задыхаться от ужаса. Миновав стеклянные двери, я брызнула безудержным смехом. Но если честно, было обидно. Видимо, я не очень дорого выгляжу. Моя естественность не воспринимается как что-то привычное, а является исключительным признаком бедности.

Не нарастила ногти, не покрыла гель-лаком и даже не накрасила их обычным? Девочка, у тебя вообще работа-то есть? Божечки, да у нас тут еще отсутствие 5Д ресничек и свои брови!!! Может, тебя накормить?

Мда, вот так. Но я не обижаюсь, иначе бы мне и вовсе пришлось застрелиться, глядя на идеальный блеск кожи девиц с первых страниц гламурных изданий.

А я чувствую себя достаточно комфортно в моей шкуре, в этом районе, в этом дворе и у этого подъезда. Здесь мое место. Не больше и не меньше.

Глава 3

Когда тебе предлагают тапки в чужом доме, главное не прогадать и, соизмерив все риски за и против, правильно отказать в случае «биологической угрозы». В моем случае такая угроза была, и я предпочла засаленным розовым сланцам свои синтетические носочки, купленные в магазине фиксированных цен. Леночке же, как всегда, достались бабушкины тапки советского образца, которые превращают ее чуть ли не в хозяйку дома.

Игорек, уже немного веселый, встречал нас радостно и со вкусом. Наверно, он чуть ли не единственный человек на

планете, которого легкая картавость не портит, а делает только привлекательнее. Леночка зарозовела с ног до головы и сразу про меня забыла. Мы вошли в душную комнату, в которой пахло апельсинами и дешевым пивом.

– А вот и еще девчонки пожаловали. Садись, моя принцесса, и ты, Сашка, усаживайся, прошу.

Игорек, как фокусник, из ниоткуда берет еще две табуретки с шатающимися ножками и усаживает нас за стол. Народу много, как всегда в этой квартире. Здесь ты можешь встретить почти кого угодно. Отказаться от посещения этого места плохой тон, сюда не приглашают чужаков. Хоть раз оказавшись в этих стенах, ты перестаешь быть чужим для этих людей, ты – свой.

Толстая, пока незнакомая мне девица густо смеется, потрясая увесистыми грудями. Ее спутник пьян и разгорячен, хорошо, что здесь три комнаты и очень много шума. Мы выпиваем по кружке пива. Удивительно, как такая фифа, как Леночка, с легкостью перевоплощается в настоящую боевую подругу, и вот она уже не морщится от запаха селедки и с легкостью балерины опрокидывает пару рюмашек чего покрепче. Я пью сок. Сложно в таких компаниях пить сок, но

я научилась. Очень важно не отказаться от первой кружки, рюмочки или бокала, иначе это может оскорбить хозяев. Но дальше ты вольна делать все что пожелаешь, главное заранее запастись соком, и все будет в ажуре.

Когда спиртное начинает кончаться, возникают важные и почти нерешаемые вопросы – «кто побежит, за чем побежит?». И вот девушки хором просят вина или ликера, а парни настаивают на коньяке, ну в самом деле, не понижать же градус? Я сижу тихо и глажу рукой шершавый, как асфальт, плед, накрывающий старый пружинистый диван. Я не участник, я наблюдатель.

Когда сложнейшие вопросы решены, а рука Игорька уже касается колени моей подруги, я уйду в соседнюю комнату. Видимо, здесь и спит обладательница тех самых лучших тапок.

В глубоком кресле сидеть неудобно, ну а что поделаешь? Находиться среди этих людей мне порядком надоедает уже со второго часа нашей гулянки. Как же непросто быть молодой. Завести себе, что ли, дюжину кошек и вовсе не вылезать из дому? Хотя есть в этих тусовках нечто притягательное, почти магическое. Но вот что?

Слышно, как в прихожей захлопнулась дверь. Интересно, а Леночка передела свои прекрасные тапочки на белые туфли или пошла курить так, наплевав на красоту? Слож-

но быть сексапильной в обшарпанном подъезде панельного дома, при этом стряхивая пепел в баночку «Нескафе», но я уверена, что у нее получится.

В квартире осталось трое: я, низенький крепкий парень Витя и еще какой-то овощ в бессознательном состоянии. Витя постучал в комнату.

– Привет, че сидишь?

– Не курю.

– Правильно. Это правильно, я тоже. Пиво будешь?

Он достает коричневую бутылку без этикетки и трясет ей перед моим лицом.

– Спасибо, у меня свое.

Витя молчит, но не уходит. Подсаживается на соседнюю кровать. Я чувствую напряжение.

– Это, а ты ничо такая.

– Приятно.

– Ага, а че, ты правда на Денчика запала? Уже три года по нему сохнешь, все одна. Тупо как-то.

Действительно, «тупо». Лучше бы я ушла вместе со всеми и держала эту грязную банку «Нескафе» с вонючей водичкой на доньшке. Но нет, нужно улыбаться и быть как можно проще.

– Да я и не сохну ни по кому. Что было, то прошло, просто не готова я еще.

– Кхм, а че, у вас че было, да?

Мне становится тяжело сдерживать волны сарказма, иронии и злобы, еще можно притвориться пьяной и уснуть, развалившись в бабусином кресле? Ну почему лучшие идеи всегда приходят так поздно!

– У нас ничего не было, все это осталось в прошлом. Школьная любовь, все дела. А у тебя как?

Если его нельзя заткнуть, пускай лучше он заполнит несвязными звуками и бульканьем истории из своей жизни.

– Хм, ну че. Я типо это, уже пять лет один, ты там не подумай че. Там это, я просто не нашел ту самую еще, понимаешь?

Я смотрю на его маленькую плечистую фигуру и бугристое лицо. «Ту самую» – в смысле хоть какую-то, которая бы согласилась? Господи, как тяжело сдерживаться, но каждое несказанное грубое слово – это моя безопасность в этой все же чужой квартире.

– Ясно.

Он смотрит на меня своими маслянистыми маленькими глазками и садится ближе, я чувствую касание его рыхлого бедра. Буэ, меня сейчас стошнит. Я понимаю, к чему он клонит – одинокая, не самая симпатичная, у меня даже лицо

не нарисованное, да кому я нужна такая? Разве что карлику с прыщавым лбом, но уж точно не молодцу-спортсмену. Что ж за банный лист такой? Сколько же можно курить?.. Леночка, милая, где ты? Но Леночка все воркует, ее звонкий радостный голос разносится на несколько пролетов этажей. Она счастлива и пьяна. Я зла и трезва, мой банный лист продолжает:

– Ну, это, че сидишь-то? Давай, что ли, потанцуем.

Я чувствую от него какую-то необъяснимую угрозу. Вся эта милость с его стороны слишком напоминает плохо сыгранную пьесу. Я понимаю, что любое мое движение может спровоцировать его на действия, а потом он скажет, мол, сама полезла, дура несчастная, с горя на каждого встречного-поперечного уже кидается, да и даята была к тому же.

Я щупаю его глазами, выискиваю, что скрывается за стеной примитивных слов и напускного спокойствия. Он одинок, глуп и некрасив. Ему хочется женщины, настоящей, живой, теплой. Он лишь ищет предлог, чтобы вцепиться в меня и взять все что может, пока на мой крик не прибежит хоть кто-то здравомыслящий и в меру трезвый. Сейчас я на минном поле. Я соглашаюсь на танец, Это поможет убить время

до прихода ребят.

Медленно встав, он неуклюже берет мои руки и начинает напевать какой-то глупый лирический мотивчик, пошатываясь влево и вправо. Я беру его потные маленькие ладошки и тоже принимаюсь качаться. Мне виден его сальный затылок, мой левый глаз начинает дергаться.

Клац, клац. Ключ поворачивает щеколду основной двери, и в квартиру вваливается шум и веселье во главе с моей подругой и Игорьком. Я мигом выскальзываю из мокрых ручонков Витька и бегу в коридор, с неподдельной улыбкой обнимаю Леночку и прощаюсь с ее кавалером.

В подъезде пахнет синим «Бондом».

Я выбегаю в ночь.

Глава 4.

Во дворе пахнет свежестью и свободой. Желтые огни окон преследуют каждый мой взгляд. Город не спит, в нем дышит молодость. Моему существу бы сейчас пригодилась сигаретка, чтобы важно выпускать из себя дым, словно это не дым, а мысль, которая родилась внутри меня и вышла в этот

прекрасный дремлющий мир клубящимися серыми струями. Вдыхаю. Все хорошо.

Как всегда в такие часы, во мне начинает зарождаться тревога, но она не угнетает, а лишь является напоминанием о том, что я тонко чувствующая натура. Дура. Вот так. Все-таки опять скатилась в озлобленность на саму себя. Еще дядюшка Фрейд знал, что нереализованная агрессия превращается в депрессию, ту же агрессию, но направленную на самого себя. Эх... Наверное, стоит объяснить... Вы когда-нибудь собирали пазл? Иногда на заводе бывает допущен брак, и вот картинка вроде бы собрана, но один из пазликов так и болтается, так и пытается выскочить из этой самой картинки. Всем видно, что это его место, что по-другому быть не может. А он все болтается и болтается туда-сюда, не давая покоя ни себе ни людям. Вот это и есть я. И что делать с этим браком, совершенно не ясно. Но самое удивительное – всех вокруг это устраивает, и даже Ленка вызывает больше вопросов, чем я. При ее поведении настоящей оторвы, которая может запивать вино ромом с колой, ей однажды задали вопрос: «А что ты тут делаешь?» Вопрос задала пьяненькая очень худенькая девушка. Ленка не сразу опомнилась и переспросила заплетающимся сонным языком, на что нетрезвая Дюймовочка заявила: «Ну ты ж красивая, зачем тебе это все?» Ленка не нашлась что ответить и смачно глотнула прямо из синей бутылки, чтобы побыстрее сменить тему разговора.

– Сашок!

Я вздрогнула, оцепенение отпустило меня. Теперь нужно было справиться с нахлынувшим волнением, как хорошо, что в темноте не видно зарозовевших щек.

– Какие люди в Голливуде, здорова, Саш, чего тут, к Игорьку собралась?

– Здравствуй, Денис... Я... Я только от него.

Денис, как всегда, улыбчив и весел, его высокая стройная фигура выглядит величественно на черном фоне ночного города, подсвеченного золотым светом редких огней.

– Ясьненько, понятьненько. Домой или дальше развлекаться?

– Домой, вниз. Там есть тонкая улочка рядом с церковью. Я люблю гулять там одна.

– Понял, понял.

Только сейчас я заметила в его руках бутылку, он сделал большой глоток и промокнул свои упругие губы ладонью.

– Ладушки, а то смотри, я тоже в той стороне обитаю – могу проводить.

Да ты что? Обитаешь в той стороне? Я сжала зубы и попыталась выдавить вежливую улыбку. Ах, милый наивный Денчик, если бы ты знал весь масштаб моего безумия...

Я знаю не только среду твоего обитания, а даже твой телефон, знаю твой дом номер сто восемь и прекрасно знаю, что в четвертом подъезде на третьем этаже твоя двухкомнатная квартира часто пустует по причине отсутствия в ней как тебя, так и твоей много работающей матушки Ирины Васильевны, бухгалтера в одной небольшой строительной фирме. Я знаю, что ты любишь легкий рок и блондинок, чипсы со вкусом краба и светлое пиво. Знаю, что на своем выпускном ты вывихнул левую ногу, и твой лучший друг Шаман весь вечер протаскал тебя на своей спине. У меня есть фото этого вечера и фото тебя в первом классе. А еще однажды я провела целый день в парфюмерном магазине, пока не нашла запах твоих духов.

Но да, ты обитаешь в той стороне, как ни странно.

– Действительно? Ну... Если только нам по пути.

Стало холодно? Я почти не дышу, боясь спугнуть этот момент, боясь растворить его в своем одиночестве. Почему мой голос так дрожит? Я же уже оставила все эти сумасбродные выходки в прошлом, только лишь иногда обращаю внимание на брошенные пачки «Мальборо» и представляю, что эту бумажку смял именно ты, своими длинными гибкими пальцами с аккуратными розовыми ногтями...

Денчик, словно читая мои мысли, закуривает. Золотистая пачка вновь оказывается в кармане его темно-синих джинсов. Я принимаюсь глубоко вдыхать этот дым, мне кажется, что он связывает нас, делает одним целым.

Мы медленно начинаем идти.

Ленка сошла бы с ума. И сойдет, если мое сердце не разорвется и я доживу до утра, чтобы с первыми лучами солнца позвонить и выложить ей все это на одном дыхании. А ведь сколько ночей мы с ней провели, обсуждая каждую случай-

ную встречу с тобой, мусоля каждый твой взгляд, улыбку и скупое слово, милый Денчик.

Лене действительно удалось убедить меня в тайных знаках и намеках, в том, что ты влюблен и боишься признаться, в том, что все это не глупая случайность. Я верила. Верила! А теперь иду рядом и не верю.

Вновь начинает моросить мелкий дождь.

Глава 5

Дождь – это музыка, но ее нужно слушать кожей.

Я раскрываю ладони навстречу мелким каплям. Мир во-круг сжался, обесценился, обесцветился, есть только наши шаги в этой пустынной улице.

Ты говоришь о собаках, я улыбаюсь и отвечаю односложно «да, уга, ага, правда?» Но тебя, кажется, устраивает собеседница со словарным запасом одной известной особы по имени Элла. Мы все идем, и мой дом выделяется из десятка других лишь тем, что именно здесь все и закончится.

Вот и все. Мой подъезд с исписанными черным маркером дверьми: «*хочешь зарабатывать 200 К? В месяц*», «*соль Al'bus89354...*» и еще куча подобной дряни. Скука. Денчик молчит.

Я не осмеливаюсь завершить этот момент, для меня это словно убийство, но мучение достигает предела. Скажи мне «пока», дай мне шанс просто уйти, не разлетевшись вдребезги. Пожалуйста, отпусти меня...

– Слушай , Саш, а ты там... как, что? Одна?

– В смысле?

Сердце мое екает, ойкает и барабанит по батареям.

– Ну, я что думаю, у меня тут коньячок. Одному пить не гуд, у меня дома маман, может, к тебе?

Я растекаюсь по асфальту. Вот надо же иметь столько наглости! И ладно бы весь район не болтал о его разрыве с кра-

соткой Дианочкой с третьего курса медицинского...

– Эмм... Прости, я не...

– Предки дома? Ну ладно, видать, не судьба. Я просто ду- мал, мы же вроде как друзья, со школы знакомы, с одина- дцатого класса.

– С десятого. Нет.

– Что нет?

Я явно смогла озадачить моего мужчину мечты. Со мной нужно учиться вести разговор. Он этого знать не мог, бед- няжка.

– Нет у меня никого. На даче, сезон шашлыков открыва- ют. Просто я... – Мне стоит большого труда отказать ему, я не верю в его искренность и не хочу быть ему другом, я не смогу быть рядом и не быть вовсе, это мучительно, это са- дизм. Лучше сказать все сразу. Не оставлять шансов. Я пере- болела. Это остаточное, оно проходит. Не поддаваться, не ве- рить, не ждать. Просто отказать ему. Просто... Ведь это про-

сто, да? Сказать – нет. Нет. Скажи, черт побери, «нет»!!! – ЭМММКККХХ...

– Саша, все в порядке? Давай зайдем в подъезд, а то так и заболеть можно.

Ну вот, это первая продолжительная беседа с парнем, из-за которого мне пришлось купить новую подушку, а я уже произвела впечатление идиотки.

– Денис. Я... Кхм. Я пойду.

– Давай я тебя, что ли, до двери провожу, ночь все-таки. Ты на каком этаже?

Нужно было сказать, что родители дома. Чертова привычка говорить правду! И да, я не считаю постыдным, что двадцатилетняя дылда все еще обитает в своей естественной среде заботы мамочки и папочки. Хотя немного завидую Ленке, ведущей вполне себе вольную жизнь в доставшейся от покойной бабули квартире.

Как-то неожиданно мы оказались на моей лестничной

клетке, трясушимися руками я пытаюсь достать ключи.

Он рядом.

– Ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной, слушай, пусти в туалет. Я уйду, просто реально...

Я морщусь и, не в силах слышать еще хотя бы одно слово, открываю тяжелую дверь.

Глава 6

Его синяя олимпийка инородно смотрится в моей маленькой прихожей. Мокрые грязные следы раздражают мою внутреннюю домохозяйку, но внешняя лентяйка, как всегда, побеждает в секундном споре за чистоту.

Я прохожу на кухню.

Денчик выходит из ванной с мокрыми руками.

– Не знал, каким полотенцем вытереть.

Шлеп, он оставляет мокрые следы на своих тугих штанах.

– Слушай, извини за вторжение. Давай коньячка плесну, согреешься, а то ты дрожишь вся.

– Франция или Италия?

– Что?

– Интересно, где на самом деле был придуман первый коньяк, во Франции или Италии? Город назывался «Коньяк», это во Франции, а в Италии есть легенда о виноградном бренди.

– Не думал об этом...

– Плесни.

Я достаю белые кружки, и мы начинаем пить, неловко и чопорно. Я слишком серьезна, он механистичен. Все это напоминает поминки здравого смысла.

– Эм. Помнишь Шамана?

– Ага.

Хлюп. Чафк. Прелестная ночь.

– У тебя можно курить?

– Нет, мать повесится.

– Оу... Это серьезно.

Молчим.

Как хорошо, что судьба не дала мне возможности стать его девушкой, иначе бы можно было уже захлебнуться тишиной.

Лингвистический пост. Языковая диета. Словесное воздержание. Господи, да что с нами происходит?

Почему его темные волосы сплетаются в упругие смешные завитки и не дают покоя моему взгляду? За что он смотрит на меня своими пьяными голубыми глазами, сидя на моей кухне, на моей табуретке, на которой я так часто сидела и мечтала о нем же за утренним чаем? За что это мне теперь? Сейчас! Когда уже казалось, что выдох был и предстоит новый вздох, но пошло не в то горло, и боль пронизывает пищевод... Или это душа, а не пищевод? Никогда не была особенно набожной, только если в той самой всуе. Да что ж за голова-то у меня такая. Сосредоточься и скажи ему что-нибудь ни к чему не обязывающее, чтобы можно было спокойно допить и попрощаться как друзья. Так, настройся, вдох, еще вдох, – давай!

– Эмм... А что ты думаешь о... – курицах, нет никто не говорит с мужчинами о курицах, к тому же он может подумать, что это плохо завуалированная отсылка к его бывшей, так-так, сосредоточься он смотрит на тебя. Уф, уф, выдох, давай, девочка, соберись! – О... Об... Оо... Дюймовочке? Да! О Дюймовочке, очень печальная история.

– О. Ну, нормальная такая сказка, чего печальная-то?

– Смерть всегда печальна.

– Так там никто не умер.

– Как? Нет, нет, мы явно говорим о разных сказках. Птица умерла, а после это существо восстало из мертвых и отнесло девочку в прекрасную страну? Нет, нет, здесь явная аллюзия на Рай, крылатый прелестный народец...

– Сашенька...

В меня впиваются его губы. На вкус они хуже, чем на вид, он плохо владеет своим языком. Мой квадратный зад упирается в стол, и я поддаюсь. Странно, он не такой вкусный, как в моих снах, где-то неуклюжий и совсем нетрезвый, его руки сразу проникают под мою майку.

– Не нужно, Денс.

– Ну чего ты? Я все знаю, не ломайся...

Он не ласкает мне шею и плечи, не целует с придыханием запястье, он просто сосет мою нижнюю губу, кряхтя и отду-

ваясь, как старый дед. БДЫЖЬ! С таким звуком разбивается мое очарование им.

За окном злая полная луна выплескивается медовым блеском по скучающему небу. Она интересней, чем его поцелуи. Он резко поворачивает меня спиной к себе.

– Пусти.

– Да че ты, уже начали же.

Его руки крепко сжимают мои, и я чувствую напор, он возится со своей ширинкой.

– Пусти, говорю!

Денис явно воспринимает мою борьбу как заигрывание и не без труда закидывает меня на плечо, несет в комнату. Я пытаюсь вырваться, но он груб и упорен.

– Пожалуйста, не трогай меня...

Я плачу, а паузы между словами заполняет его горячий-неуклюжий язык. Он наваливается на меня всем телом, он не жалеет меня, не думает обо мне, в его руке крепко сжата моя грудь, от напора кажется, что она вот-вот лопнет, мне очень больно, но больше страшно. Голос застревает в глотке. Мне сложно кричать, я несу что-то бессвязное, повторяю его имя все так же в своей постели, но уже не зовя, а отгоняя, моля его не о любви, а о пощаде.

– Денис, пожалуйста...

Он закрывает мой рот.

Я кричу и в последней попытке спастись от неизбежного сжимаю ноги и извиваюсь, как уж на сковородке, ни разу еще мое тело не обладало такой грацией. Видимо, мне удалось задеть его, сделать ему больно, он отпускает меня. Бросает, почти плюет в меня.

– Шлюха, зачем пустила тогда?

– Убирайся вон, урод! Мразь поганая!

С невероятной резвостью я вскакиваю с кровати и хватаю его за шкибот. Удивительно, откуда во мне взялось столько силы, но, видимо, адреналин и впрямь чудесная штука. Я открываю дверь и пинком вышвыриваю это пьяное тело в подъезд.

– Куртку верни!

С удовольствием, мне твои вонючие тряпки не нужны, лишь обтираться об них. Я резко хватаю его олимпийку и со вкусом швыряю в его лицо.

ХЛОП!

Вот теперь действительно все. Аплодисменты!

Мужчина мечты, мать его...

Глава 7.

Я осталась одна со звоном тишины в ушах. Голова проламывалась от натиска обрушившегося на нее отчаяния. Я принялась тереть виски. Мои руки синие. Все в пятнах. Болит.

Кричать не хочется. Я не чувствую течения жизни в моих венах, словно все тело – мокрые тряпки. Марионетка. Марионетка с разорванным ртом. Меня начинает швырять из стороны в сторону, тело бьется о стены и шкафы узкого коридора. Хватит. Хватит. Сглатываю сухость во рту и бегу в свою комнату. На столе лежит исписанная лекциями тетрадь, вырываю последнюю страничку и судорожно ищу карандаш, ручку, да хотя бы и кусок угля! Черт. Ну вот, наконец – огрызок тупого карандаша, мне хватит. Пишу резко, острыми углами букв, не свойственным мне почерком:

«Я хочу рисовать свет,

Я хочу рисовать тень,

Мне не нужен больше ваш шанс,

Мне не нужен больше ваш день.

Я хочу засыпать враз,

Я хочу уходить два,

Не могу больше быть так,

Словно воздух не он – газ,

Я сломала себе очки,

Не носила их никогда,

Все, что было плохое, уйди,

Свет забил уголки глаз,

Я сломала себе зрачки,

Я сломала себе тебя,

Вот теперь уже уходи,

Это больше не про меня...»

Фу-у-ух... Ну вот и докатилась, мои первые стихи. Получилось плохо, но мне реально стало легче, словно я выплес-

нула все лишнее из себя. То, что мешало, доставляло дискомфорт, кололо, давило на череп... Это как рвота. Раз – и тебе стало лучше. Интересно, насколько вообще морально использовать искусство в целях очищения себя от грязи? Не становится ли оно токсичным после таких вот манипуляций? Это эгоизм в чистом виде, но я не великий поэт, поэтому не буду терзать себя мыслями о творчестве... Или? Если честно, думаю, что искусство – это в некотором роде точка зрения творца в общем, а не секундная слабость. И да, эта точка зрения имеет, между прочим, размеры вселенной. Человек, занимающийся творчеством, видит жизнь немного по-иному, и это подталкивает его не только опираться на уже существующие возможности мира, а находить абсолютно новые.

Можно подумать и на тему «искусство и человек» – всегда ли человек и есть творец? Или искусство полноценно и может существовать без человеческого вмешательства? Пример: природа. Розовый закат в сиреневых облаках с растекшимися белыми разводами... Пускай это мгновение, но что в нем? Где грани и пределы искусства? Кто стоит во главе? Человек или вселенная? Искусство должно быть движением вперед. Попыткой постичь что-то новое, необъятное, вечное. А мои потуги – это так, гигиена чувств и эмоций, выплюнула и довольна. Хотя, должна признать, такие мысли помогают отвлечься – думай о том, что тебе не свойственно, и будет легче. Неплохой способ. Нужно запомнить.

Мда... Ладушки. Теперь уж точно все. Успокоилась.

Приехали.

Вернемся к точке отсчета. Денчик.

Моя первая страстная любовь, выплаканые глаза и тысячи смоделированных ситуаций нашей счастливой семейной жизни. Все это рухнуло на меня мраморным надгробием собственных мечт. Много намечтала – лихо получила. Это нормально. Я даже чувствую себя лучше. Нет, честно. Во мне, наконец, что-то изменилось, что-то наладилось.

Я даже подозреваю, что конкретно. Надежда. Да-да. Именно! Ведь это чувство сродни крысе, приспособливается к любым обстоятельствам и скребется внутри своими когтистыми лапками. Ты ей: «Ну хватит, хватит, все же ясно, ничего не будет», а она тебе: «Да, не будет, невозможно... Ля-ля-ля.... м-х-х.... тру-ту-ту.... мммм... а вдруг?» И ты такая – «Черт! Черт! Черт!». Как же избавиться от этого ощущения? Отчиститься, отмыться, чтобы не свербило внутри и можно было жить дальше – просто, без затей. Но оно зудит, зудит...

Когда ты расстроена – можно реветь, вымазать лицо тушью, слезами, соплями, да чем угодно – тебе становится лег-

че. Когда ты злишься, можно орать, матюкаться, в конце концов, разбить что-нибудь или дать кому-нибудь в лоб... С надеждой не так, она вцепляется в тебя своими безжалостными конечностями и врастает в твое существо, бороться с ней бесполезно, ее не выскоблишь, не вытравишь. И вот, только доходя до самой точки невозврата – будь то окончательный проигрыш, смерть или насилие, – она перестает существовать. И ты очищаешься через свое падение. Воскреснешь оплеванным, но новым, без этой вечной чесотки у тебя в мозгу. Вот и мой час настал.

Наконец. Какое облегчение.

Глава 8

– Да ладно!

Ленка в порыве чувств отковыряла свой наращенный ноготь.

– Вот гад... Не, ну это ж... Тебе налить чего?

– Нет, не нужно, но я в шоке от его наглости. Когда он успел все разболтать?

– Я тебе больше скажу, даже я поверила... Думала, ну ты и гадюка, раз мне первой не рассказала! Там уж такие подробности обсуждают, – как, где и с какого бока...

– Воистину! Чем жестче ты оказываешь парню в близости, тем изощреннее ваши интимные отношения с ним в его рассказях друзьям.

– Мда... это... смотрю, ты не сильно расстроена. Уф... Синяки-то какие...

Ленка с жалостью и болью глядит на мою грудь.

– Зачем же ты такой вырез надела?

– А чего мне стесняться? Мне совершенно не стыдно за синяки, мне даже больше стыдно за тех, кто распускает эти поганые слухи. Хотя шут с ними... Пускай терпятся.

– Сашенька, ты точно в порядке? Почему в полицию не пошла? У тебя же побои...

– Ох, моя дорогая... Кончилась целая эпоха в моей жизни! Он оказался конченной... Плохим человеком, проще го-

вора. Но. Но мои мысли, мои сны! Они стоят того, чтобы существовать в воспоминаниях, стоят того, чтобы законсервировать их на дне памяти и беречь, как бусины-пустышки, просто потому что они красивы.

Лена молчит. Ей тяжело глотать.

– Саша.

– Да?

– Помнишь ночь, когда Денчик забежал к Игорьку за своей курткой, которую давал ему поносить?

– Ну?

– Я курила на кухне. Он зашел попить воды.

– И?

– Он меня целовал...

– ...

– Нет, не так, как любимую, а так, как целуют любую попавшуюся симпатичную девушку, когда ты весел и пьян... Саша... Саша!?

.....

Глава 9

Странно, что она еще не утонула в этой горячей, пахнущей мятными травами воде. Склонившись так близко к прозрачной водной глади, она наблюдала, как ее темные волосы танцуют, напоминая затейливые черные кораллы. Вздох, и ее лицо уже внутри этого танца. Волосы смешались с ресницами. Бульк. Бульк....

Час назад она обнаружила себя на диване в собственной комнате с закрытыми шторами. От нее пахло текилой и виски, а грязный след от туфель тянулся до самого спального места. Какой позор. В ее годы многие уже нянчат детей, а вот Саша сбрила свои брови. Сегодня, перед тем как вернуться в эту душную квартиру, она взяла ножницы и бритвы, кромсала и вздергивала все, на что хватило сил. Телевизор работал без звука, отражая параллельную слащаво-красочную реальность. Эта чертова медиакультура идеализирует зло, да и не только медиа, вся культура в общем. Красивые ведьмы, при-

Шшшшшшшшшш...

Шумит вода. Ванна.

Странно, что она еще не утонула в этой горячей, пахнущей мятными травами воде. Склонившись так близко к прозрачной водной глади, она наблюдала, как ее темные волосы танцуют, напоминая затейливые черные кораллы. Вздох, и ее лицо уже внутри этого танца. Волосы смешались с ресницами. Бульк. Бульк...

Стоп. Бред. Она взмахнула головой и растерла остатки туши. Колючее полотенце еле держалось на ее мокром, усыпанном теплыми каплями теле. Александра! Возьми себя в руки. В самом деле, неужели это все пьяный бред?

Она пришла. Она попросила поддержки. Она получила пощечину. Она погасила свой гнев. Теперь она простила. Всех. Она все сделала правильно, и даже больше... Сейчас девушка чувствовала, словно что-то держало ее за руку и вело в нужном направлении. Но в тот момент, там, внутри ее неидеального тела, что-то произошло. Что-то страшное, не поддающееся объяснению. Ее сознание на миг расширилось, слилось с космосом, впустило в себя всю боль и ненависть мира, вывернуло наизнанку черные дыры, изрезало че-

реп изнутри, заломило дыхание, выкинуло в небытие и выплюнуло обратно... Ей стыдно за это, ведь подобные страдания неуместны в ее ситуации. Она не достойна таких чувств. И все же с ней что-то произошло, что-то страшное было рядом, было внутри – холодное желание мести, пугающее ощущение, что ты можешь убить. Может быть, оно все еще здесь, хочет коснуться ее плеча, и вот, еще чуть-чуть – и ледяные пальцы дотронутся до мягкой молодой кожи... или что-то похожее на пальцы....

Алкоголь как обезболивающее для тянущих мыслей. Скоро он выветрится, и бреда будет меньше. Скоро начнется новая жизнь. Она изменила себя, отреклась от мести, выдернула роскошную косу, уничтожила выразительность глаз. Теперь она ждет знака. Но какого? Нет, знак точно будет, она знает, чувствует, ощущает. Но вот как не пропустить его? Это она тоже знает, где-то на уровне интуиции, вот-вот что-то натолкнет ее на мысль, и она сможет придать этому точную форму... Все будет. Всему свое время. Ну а пока...

А пока – «пока». Всем. Всему. Спать.

Ей нужно спать...

Часть 2

Глава 1

Наталья Петровна

Наталья Петровна была абсолютно здоровой женщиной. Радость, мужество и бодрость духа – все это именно про маленькую, но бойкую женщину, живущую на первом этаже нового кирпичного дома.

Она переехала сюда год назад. Уютные клумбы, безвкусно усыпанные цветами и декоративной травой, грели ей душу. Наталья Петровна очень не любила старые дома с тяжелыми домофонными дверями, которые скрывали консервативные вторые двери из отжившего свое потрескавшегося дерева. Ее новая квартира тоже была за домофонной дверью, но здесь дело обстояло иначе. Это был чистый подъезд, в котором еще не осыпалась штукатурка, а хулиганы пока не успели нарисовать схематичных рисунков о своих примитивных фантазиях. Все здесь говорило о новой жизни, о чем-то прекрасном. И даже немножко о том, что Наталья Петровна помолодела.

Молодеть она начала еще в магазине мебели, выбирая умопомрачительный салатный стол на кухню. Он идеально

вписывался в интерьер ее фисташкового оттенка кухни. С каждой новой покупкой эта женщина расцветала, становилась свежее и мягче и даже перестала ворчать при виде бездомных кошек и выпивающей молодежи.

Сказывалась не только шопотерапия, но и местное окружение. Здесь, в этих красивых дворах и чистых подъездах, даже люди были немного добрее, и Наталье Петровне не хотелось выбиваться из общей атмосферы. Это тогда, живя в обшарпанной трешке, доставшейся ей по наследству от собственной матери, она продолжала традиции грозных женщин в цветастых халатах и косынках. Она так же орала с балкона на расшумевшихся подростков, гоняла пьяненького дядю Витю со второго этажа и даже принимала участие в уничтожении лавок, да и вообще, всех приспособлений, пригодных для расположения человека в сидячем положении. Во имя прогресса! Чтобы не допустить скопления шпаны и всяческого ужаса в родном дворе. Но теперь... Теперь все изменилось.

А сейчас, возвращаясь домой из магазина известной торговой сети, вдоволь закупившись продуктами по красной цене (экономить она, конечно, любила, считала своим неотъемлемым долгом взять три банки фасоли по сниженному ценнику, на всякий случай), она даже не посмотрела злобным взглядом на молодых людей, сидевших в середине ее нового двора. И да, в этом дворе еще были разрешены лав-

ки. Чистенькие, поставленные совсем недавно, с высокими спинками. Вот именно на такой, теплой от утреннего летнего солнца лавке, и сидели двое. Они ели пирожные. Корзиночки с кремом, в виде грибочков. Такие маслянистые и странные. Пришедшие совсем из далеких воспоминаний. Они сидели и ели их. Парень и девушка. Двое современных молодых людей с выбритыми висками и усыпанные татуировками. Сидели и ели пирожные. На лавочке. В ее дворе.

Если бы Наталья Петровна пригляделась более внимательно, она бы заметила, что татуировками усыпаны лишь руки молодого человека, а еще на его левой ноге сидит цветной дракон, но его не видно под черными узкими джинсами. Девушка же плотно закутана в темную одежду, никаких рисунков на теле, но ее прическа смотрится немного странно по меркам шестидесятичетырехлетней женщины, и все же – вполне удобоваримо. Правда, с этого расстояния женщина (имея, кстати, прекрасное зрение для своих лет) не могла разглядеть одной маленькой детали. У девушки нет бровей.

Совсем.

Глава 2

Налево

Сначала тебе страшно. Потом ты понимаешь, что волен делать со своей внешностью все, что тебе заблагорассудится. И все же Александра была против слишком экстремальных вмешательств. А вот экспериментировать со своим волосатым покровом ей понравилось.

С короткими волосами было удобно. Легко и просто. Отсутствие бровей далось ей с большей сложностью, но она привыкла и даже начала получать удовольствие от недоуменных взглядов прохожих, которым порой просто не хватало времени, чтобы понять, что же с ней все-таки не так?

В мире женщин с нарисованными лицами она попыталась стереть свое полностью, тем самым став еще более заметной.

На улице было опасно. Каждая тропинка и закоулок непременно окрашены воспоминаниями – еще яркими, почти кислотными. Запахи преследуют, врезаясь в ноздри и проникая почти в подсознание. Дышать тяжело. Все вокруг кричит ей о том, кто же она на самом деле. Но слушать это уныло и почти невыносимо.

Зеркала и витрины становятся друзьями, и хоть отражение в них все еще далеко от идеала – оно ей нравится. Там

новый человек, человек – чистый лист, – выдумывай все что хочешь. И она начинала, думала и улыбалась, представила и глупо хихикала. Это прекрасно – вновь ощутить, что можешь все. Последний раз с ней это было лет так в пятнадцать, когда ты еще вправе заполнять весь мир собой, когда любой сценарий твоего будущего еще реален, когда ты существуешь в прекрасном, волшебном состоянии того, что можешь все. Теперь, когда за плечами куча экзаменов, ЕГЭ и ГИА, собеседования, походы в МФЦ, – она потеряла что-то. Вырезала «это», поступая в институт, забыла «это», устроившись на подработку. Что-то щелкнуло, хрустнуло почти неслышно и испортилось... сломался ход волшебных часов. Теперь ей не стать рок-звездой или великим писателем, не быть актрисой и не забираться на Эверест. Все это, вроде, и может быть, но – нет. Ведь теперь она стала взрослой, обычной. А вот ее отражение вновь приобрело что-то из того времени, погрузило ее в ощущение себя как чего-то нового и вновь имеющего право не грезить, а мечтать.

По улице проехала скорая.

А ведь всего неделю назад она верила, что это знак. Хороший знак, и вот-вот она встретит человека, из-за которого во рту пересыхало, а все умные мысли сливались в желеобразную кашу невнятного бормотания. Это срабатывало не всегда, а может, и вовсе не срабатывало, но вера в приметы творит с нашим восприятием чудеса. И теперь зуд ожидания

нырнул к ней под майку. Нужно что-то делать. Бежать? Спасаться? Или прыгнуть в ближайшую канаву и сидеть тихо, словно прячась от взрыва? Что делать? Что?

Она ускорила шаг, и над губой выступили маленькие капельки нервного пота, сейчас она свернет, нет, не направо, как обычно, налево, а после еще немного прямо, так, кажется, в этом дворе она еще не была, быстрее, быстрее... Побег от кого-то или гонка за кем-то? Стоп. Неужели можно просто стоять, закрыв глаза, и чувствовать касание ветра по твоей коже, его ласки и поцелуи? Интересно, там, куда мы уйдем насовсем, будет ветер? Без него так тоскливо...

Когда нас не было, мы были везде, растворены во времени и пространстве, смешаны со звездами и черными дырами. Было ли нам хорошо? Было ли нам все равно?

– Пытаешься слиться с миром?

Голос прозвучал в унисон с дрожью, пронесшейся по телу. Александра не открыла глаз.

– Ветер. Что если его нет?

– Интересно, и все же это поток воздуха, движущийся около земной поверхности, хотя мне нравится ход твоих мыслей.

– Около земной. Земной, воздух. А есть ли там воздух?

– А существует ли это «там» или же там уже и нет вовсе, а то, что есть, шире любого понимания ветра и воздуха? М?

Саша открыла глаза и обернулась. Секундный страх, что сзади не окажется никого, а возможно и ничего, кольнул ее, но неверие быстро отступало, отражаемое белой улыбкой худощавого молодого человека.

– Оу. У тебя нет бровей. Здорово.

– Когда мне было одиннадцать, я занималась гимнастикой. В тот июнь я вернулась с очередного занятия и сидела у зеркала, играя в какую-то странную игру с отцовской бритвой, типа как остаться молодой навечно, – брейтесь по утрам с самого детства... Тогда я нечаянно сбрила половину брови и проплакала полночи, а наутро пыталась закрыть весь левый глаз челкой. На гимнастику я не ходила неделю.

– Мне нравится. И брови, и история.

– Спасибо.

– Пойдем. Только не огорчай меня глупыми вопросами, куда и зачем, ладно?

– У тебя крашенные волосы?

Парень вновь улыбнулся лишь губами, оставляя во взгляде больше серьезности, чем должно быть до того, как тебе откроется истина.

– Девушка двадцать первого века, с выбритыми висками и в кожаном жилете, спрашивает парня, который набил первую татуировку в шестнадцать, крашенные ли у него волосы? А ты забавная. Но да. Волосы действительно крашенные, дань блэк-металу и бывшей.

– Кому больше?

– Бывшей, она собственноручно купила в магазине гарньеровский тюбик самой черной на свете краски и пыталась превратить меня в Мэрилина Мэнсона. Забавно, что ушла она от меня к рыжему...

– Ты не соответствовал ее идеалу?

– Может быть, но, скорее, она врала себе о нем. С рыжим все получилось.

Саша смеется. Его серые глаза грустные, умные. Он сидит на мокрых перилах, она садится напротив него. В этом дворе она встретила ветер, в этом дворе что-то пошло не так, как всегда.

– Сколько тебе лет?

– Больше, чем хотелось бы. Знаешь, что я заметил? Когда мне было шестнадцать, я был смелее, доказывал себе, что сильный, что все могу. А потом меня начали воспитывать упорнее, чем раньше, делать из меня человека, вышибать юношескую дурь, и теперь, спустя десять лет, я даже боюсь смотреть этим взрослым скучным людям в глаза, иногда, но боюсь.

– Я не звоню по телефонам. Я краснею, когда разговариваю с регистраторшей в больнице. Номер тяжело набрать. Ненавижу.

– Воу-воу, полегче. Да ты чокнутая!

Снова он дует, гладит их лица.

– Почему ты здесь?

– А ты?

Разговор струится, выгибается и заставляет их разглядывать каждую деталь друг друга. Когда тебе смешно и легко, хочется, чтобы это продолжалось вечно, но ведь это слишком опасно. Можно свернуть, зайти не туда, перегнуть, заплутать, и магия рассеется. Вместо двух необыкновенных людей, на этих холодных перилах уже будут сидеть два не очень приятных и несчастных молодых человека. Нет. Стоп. Нужно остановиться.

– Мне пора. Спасибо за встречу.

– Я понял, ок. – Пауза – Ты хочешь меня узнать?

– Да.

– Приходи завтра сюда и придумай самые дурацкие вопросы на свете. Я сделаю так же. Но отвечать нужно честно. Даже если колется. Мы сэкономим много времени. Будет интересно, что же, можно продолжить, если нет – останемся штрихом в нашей памяти, чем-то непонятным, но интересным, тем, что вызывает улыбку. Договорились?

– Дурацкие?

– Ага. Начнем узнавать друг друга не только по ответам, но и по вопросам, ведь это интригует, так?

– Я Саша.

– Марат.

Глава 3

Интервью

Бывают такие тропинки, тропинки желания, которые люди протаптывают буквально не доходя полметра до обычной дороги. Казалось, ну что им эти полметра? А нет, нужно пройти именно здесь, и не одному, а целой куче народу, вер-

нее такому количеству, которое потребуется ровно для появления тропинки раз и навсегда. Это как у мегариков – один камень не куча, два тоже нет, а сколько куча? Вот и тут неясно, с какого прохожего начинается настоящая тропа, видная невооруженным взглядом. И сила ее настолько неистова, что уже любой последующий человек, не задумываясь, ступает именно туда, а не на дорогу из серого асфальта.

Вот и в этом обычном загроможденном пятиэтажками дворе была такая тропинка. Когда Саша сделала шаг, она почувствовала, как по оголенным лодыжкам пробегает молодая осока, кожу обдал пар, исходивший от сырой свежей своей зеленыю земли. Запахло водоемом. На секунду ей показалось, что за домом ее ждут не разбитые основания советских детских площадок или изломанных спортивных комплексов (уже и не разобрать, что это было), а самое настоящее озеро. Чудесно.

Марат сидел на том же месте, скрестив ноги и не вынимая рук из карманов брюк. Потертые кеды удивительно сочетались с небрежно зачесанными волосами. А ведь он симпатичен. Даже очень.

– Добрый вечер, таинственный незнакомец.

– Привет, скоро мы это исправим. Ты готова?

Марат похлопал ладонью по противоположным перилам, приглашая Сашу сесть. Что же это было раньше? Лестница для детских забав или небольшое футбольное поле? Поразительная конструкция...

– Ты приготовила вопросы?

– Да, конечно.

– Они смогут меня удивить?

– Пока не знаю, но ведь мы не соревнуемся, так?

– Так, простою считаю, что это лучший способ узнать человека. Не юлить и пытаться выковырять из него правду, а спросить сразу. Грязь всегда вылезет, неизбежно. Но можно многого избежать, просто разговаривая. Это работает, как ни странно.

Он сделал небольшую театральную паузу, но быстро поднял свои серые глаза, ждущие ответной реакции.

– В общем, давай попробуем, – выдохнула Саша, – начинай.

Марат хитро сощурился, разглядывая лицо Александры. Он наслаждается, он играет. Что еще нужно человеку для счастья, как не ощущение собственной значимости и уникальности?

– Ок, твоя самая дурацкая мечта?

– Оуу... Вот так сразу... Кхм... Я думала, это будет проще...

Девушка нервно трет указательный палец о большой, не так-то просто быть искренней.

– Ладно. Я... Я думаю... Иногда мне кажется, что было бы интересно притвориться другим человеком. Уехать на неделю в другой город и прожить там маленькую жизнь.

Марат недоверчиво поднимает брови, но его дружеская улыбка убирает висящую в воздухе тяжесть. Что это за испытания вообще такие? Как на все это реагировать? И что у него на уме? Совершенная неразбериха.

– Ладно. Пойдет. – Парень скользит взглядом по всей смущенной фигуре собеседницы. – Но давай договоримся о развернутых ответах, так проще проследить ход мысли. Не только слова рассказывают нам друг о друге правду. – Он резко переключается и хлопает ладонями, звучный хлопок заставляет и без того взволнованную девушку вздрогнуть. – Так-с, теперь твоя очередь!

Саша почесала отсутствующую бровь. Она всегда считала себя оригинальным человеком, но теперь ей казалось, что в ее личности не осталось ничего стоящего, ничего такого, что может заинтересовать. Щеки порозовели, но, опустив глаза, она все же продолжила. В конце концов, никто ничего не теряет.

– Хорошо, мой первый вопрос. Кто ты? В смысле, чем ты занимаешься, когда не сидишь здесь, в этом безлюдном дворе?

– Подозреваешь во мне маньяка?

Марат хищно взглянул на нее, но тут же исправился и с удовольствием продолжил. Его голос стал мелодичным и глубоким. Безусловно, существуют люди, которым наибольшее в мире удовольствие доставляет говорить о себе.

– Я – человек, в первую очередь. Во вторую – музыкант, иногда меняю эти понятия местами. Музыкант я по-настоящему, без фальши – то есть не просиживаю брюки в офисе, а вечером иду брэнчать в гараж, нет. Я окончил школу – одиннадцать классов, но вопреки мольбам матери пошел в музыкалку, а не на вышку. Там учился вполне пристойно, без подзатыльников и упреков. Мне нравилось учиться, впервые в жизни. Еще на первом курсе сбыхал группу, она распалась, к третьему пошел играть в фолк-команду. Не самое интересное занятие, но музыка мне дороже. Опыт нужен, без него ржавеешь, теряешь хватку. Выступали на разных площадках, больше как сопровождение, без вокала. На открытии чайных кафе и разогреве более понтовых групп в клубах, свадьбах. Все потихоньку. К концу учебы случайно оказался в местном доме культуры, позвали работать. С тех пор я преподаю игру на гитаре школьникам. Мне нравится чувствовать себя частью их мира.

Саша слушала внимательно и наслаждалась его эмоциональностью, казалось, что этот человек пытается ей что-то доказать, что у его слов есть второе дно, которое пока что непосильно ее пониманию. Она слышит отзвуки чего-то еще, но пока это останется внутри, за стенами несказанных слов.

– Эх, Саша, Саша... не слишком уж ты меня удивила. Пойми, смысл этой игры в том, чтобы узнать что-то тайное, такое, о чем человек обычно не говорит в рядовой беседе. Выудить какие-то секреты, посмотреть с той стороны, с которой считается неприличным. А ведь это важно. Скучно быть картонными, в итоге же все равно узнается больше, чем то, где ты работаешь и сколько зарабатываешь. Об этом говорят на каждом шагу на сотнях первых свиданий. А ведь это абсолютно ничего не рассказывает о настоящей человеческой сущности.

– А у нас свидание?

Молодой человек сделал вид, что он ни капельки не смутился, но его руки стали чуть более напряженными. Ему так хочется казаться непробиваемым, взрослым, странным. Есть

ли в этом настоящий он или же лишь маска, скрывающая кого-то обиженного и не способного пробиться к своей истинной мечте? Пафосен он или же манерен? Приятен или, скорее, слащав?

Он облизывает тонкие, но четкие, словно нарисованные губы.

– В общем и целом да. Два человека встретились наедине и обсуждают личную жизнь. Очень на то похоже. Хотя, смотря что ты имеешь в виду под этим карамельным, обваленным сахарной пудрой словом.

– Считаешь свидания приторными?

– Да ты разошлась! Наступаешь... Да, это уже лучше... Мм... Считаю, да. Это все скучно. Схема устаревшая, хочется ярких эмоций. Зачем люди дарят свое время другим людям? Они хотят жить вместе, родить детей, умереть или просто заняться сексом? Вот зачем все происходит? Если на этот вопрос удастся ответить быстрее, то и отношения будут крепче, хоть дружба, хоть нечто большее, все строится на взаимном понимании общей цели. Без этого вакуум. Ненужный человек с ненужным человеком пил чай на кухне и спал в одной кровати... Разве не страшно?

– Уже моя очередь отвечать? Хорошо. Ответ – страшно. Но страшнее не быть вовсе, не пытаться. Я не боюсь ошибок, их избегание может быть еще более плачевным. Может быть, эти ненужные люди были счастливы вместе хотя бы минуту, пять, десять, а то и целые сутки? Неужели счастье так мало стоит? Оно мимолетно? Да, но впечатывается в сердце навсегда, если мы ему позволяем. Так легко все обесценивать и так сложно хранить прекрасное в своей душе, оберегать его, не затянуть его серыми тучами будней. Ведь оно есть... всегда.

– Сколько тебе лет? Я, конечно, противник таких вопросов, но все же, серьезно, тебе есть восемнадцать?

Они засмеялись. Громко и с наслаждением, как смеются люди, имеющие право быть собой. Воздух был чист и тепл, все вокруг стало больше и значимей, и она тоже. Первый раз в жизни она не ощущала себя идиоткой, говоря без фальши и двойного дна. С ней шутили в ее же манере, а еще ее воспринимали всерьез, ее чувствовали, в ее словах нуждались. Как странно бывает иногда пойти не той дорогой, что мы привыкли. Не сверни она вчера в этот двор, смогла бы она ощутить такой прилив сил и желания жить? Хочет ли она быть с ним? Нравится ли ей этот немного готичный паренек? Да, да, черт возьми! Да, она думать ни о чем, кроме

него, не сможет... как все просто оказалось. Но в этот раз она будет аккуратнее, просто наслаждаться общением с ним, без иллюзий и надежд (ха-ха), без мечт о будущем. Только настоящее, только сегодня, только хардкор.

Ведь он вполне может больше с ней не встретиться. Она может оказаться для него скучной, глупой, да просто непривлекательной! Вдруг его расчудесная бывшая, любительница сатанинской музыки, бросит своего рыжего и прибежит к нему в объятия, и он, конечно, с радостью примет ее. Может, может... все это может. Но не сейчас. НЕ сейчас!!! И это прекрасно.

– Я продолжу? – Саша причмокнула от предвкушения.

– Говори, мне нравится, как шевелятся твои... то место, где должны быть брови, когда ты начинаешь так эмоционально высказываться.

Он улыбается ей, неужели такая девушка действительно может ему понравиться? Или все дело в новом образе? Как странно все устроено в голове у этих мужчин.

– Так, слушай. Марат. Вот я первый раз произнесла твое

имя. Приятное ощущение, надо отметить, – Саша сфокусировала все свое внимание на его лице, пытаясь казаться как можно безмятежнее и проще. – Скажи, только как можно честнее, хм, какие девушки тебе нравятся?

Он скорчил недовольную гримасу, словно учуял какой-то кислый запах, и все же не стал прерывать собственную игру.

– Уточни? Выражайся конкретней. Ведь ясно, что я скажу, умные, интересные, такие, которым нравится музыка... бла-бла-бла... банально же. Выверни этот вопрос наизнанку. Говори, что думаешь, не прикрывайся обычными вопросами. Ты хотела слышать что-то другое, знать что-то большее. Вот и говори, что именно, без притворств.

Теперь напряглась она. Да, а ведь этот чертенок прав. Ей не нужны стандартные ответы, «душа важнее», «веселая», «с чувством юмора», это все прописные истины, необратимые и абсолютно универсальные. Чего же она хотела услышать? Что именно заставило ее задать этот вопрос? Неуверенность в себе. Вот. Она не считает себя красивой и сексуальной, не думает, что способна удовлетворить мужские потребности того, кто ей симпатизирует. Она даже чулки нико-

гда не носила. Секс – это не главное, важнее какой человек... Чушь! Все это враки. В отношениях должна быть пропорция страсти и благоразумия. Лишь тогда все может сложиться удачно. Да и как секс может быть чем-то не важным, если именно благодаря этому занятию продолжается род человеческий?! Ну вот, она опять потерялась в дебрях самоиронии и умствований. Учись говорить не сама с собой, милочка, а со своим новым... ЭММ... знакомым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.